

Сделав вывод, что это скучно, я раздобыла удочку и принялась рыбачить.

Живот был не голоден, поэтому пойманную рыбу я отпускала. Стоило проголодаться — тут же вспарывала брюхо и запекала её на когне.

За пределами массива то и дело кто-нибудь прохаживался: заглядывала А-Жуй, но вскоре уходила. Приходила Сяо-Лянь и тоже удалялась. Незнакомые мелкие демоны сновали туда-сюда, и лишь он — А-Зы — так и сидел сиднем, тупо уставившись в одну точку, не произнося ни слова, и сдвинуть его с места не удавалось никому.

Со своими собственными проблемами разобраться не получалось, откуда же взяться настроению возиться с ним. В конце концов, противоядие я ему выдала, с голоду он не помрёт. Почувствовав, что внутри защитного массива стало чересчур тихо, я воткнула недоеденную жареную рыбу в землю и отключила звукоизолирующий барьер. Отовсюду донеслись журчание воды, шуршание ветра в ивовых кронах и щебетание птиц. Сразу стало намного приятнее. Снова взяв в руки рыбу — сдобренную щедрой порцией специй, источающую восхитительный аромат, — я, однако, не испытывала особого аппетита. Вспомнив, как ещё пару минут назад живой карп трепетал под моим ножом, пока я вспарывала ему брюхо и счищала чешую, я поморщилась и, с трудом переборов подступившую тошноту, откусила кусочек.

Снаружи корочка хрустящая и пряная, во рту так и тает — объедение! Я вмиг позабыла о недавнем отвращении, проглотила всё в два-три укуса, облизала испачканные пальцы и, сообразив, что набила брюхо не до конца, воодушевленно схватила удочку и продолжила удить.

На этот раз рыбалка преследовала вполне конкретную цель. Не зря ведь говорят, что приготовленное своими руками всегда вкуснее покупного — оказывается, и правда так.

Наловив с десятков рыбёшек, я принялась чистить их все разом.

Взмах руки, удар клинка — убивать рыбу с помощью фехтовальных техник быстрее всего, а уж использовать для этого духовный меч — и вовсе одно удовольствие. Двумя мечами сразу... Ох, Люцзин, простите меня, обижаю я вас, в следующий раз заглажу вину, пустим вас на разделку каких-нибудь чудищ.

Интересно, каково мясо демонических зверей на вкус? Накапливается ли с годами старость в их плоти, или же она становится чистейшей квинтэссенцией? — размышляла я о всякой чепухе, нанизывая последнюю рыбку на вертел над костром.

Щепотка соли, смазать красным маслом... Капли падали в огонь, издавая аппетитное шкворчание.

Раздались плавные звуки свирели, и я радостно подняла голову: на беседке посреди озера Юнь Цзяньло играла на сяо. Заметив мой взгляд, она легонько улыбнулась и бесшумно спланировала вниз. Без труда преодолев барьер из массива, она поморщилась при виде

разбросанных повсюду рыбьих потрохов и лёгким щелчком пальцев обратила весь мусор на земле в прах.

Ты разве не ушла?!

Видимо, мой вопрос прозвучал несколько странно: она слегка опешила и лишь после короткой паузы присела рядом:

— В прошлый раз ты задолжала мне половину жареной утки. Разве можно уходить, пока долг не возвращен?

Я рассмеялась:

— Ах вот оно что, оказывается, ты всё еще помнишь про утку! Хочешь, угощу взамен жареной рыбой? Собственного приготовления, вкус гарантирую.

Я протянула ей уже готовую рыбу, щедро сдобренную специями, и, склонив голову набок, принялась загибать пальцы:

— Если так подумать, я ведь осталась должна тебе ужасно много. Вот, держи противоядие от отравы в моём теле, вчерашние пилюли Лёгкости Духа, а в прошлый раз я, кажется, ещё и отпила глоток твоего вина...

— Драгоценного? — не поняла я. — Это какого же?

Она лишь загадочно улыбнулась, не давая ответа, а её двусмысленный взгляд заставил меня смутиться и перестать допытываться. Покраснев, я взяла другую жареную рыбу и принялась есть сама.

Ой... Забыла добавить перца и зиры, пресновато.

Я снова водрузила начатую рыбину на костер и заговорила, продолжая хлопотать:

— Если есть слишком много жареной рыбы, в организме накопится жар. Вот бы раздобыть семян лотоса, чтобы его остудить.

— Разве это трудно? — с улыбкой произнесла она.

Вскинув правую руку, она призвала мелкий дождь, который затянул всю гладь озера чарующей пеленой. Листья лотоса закачались, потянулись вверх, на них стали пробиваться бутоны, стремительно распускающиеся на глазах...

Мгновение спустя озеро покрылось мириадами покачивающихся розовых лотосов, источающих нежный тонкий аромат. То и дело срывались лепестки, обнажая спрятанные внутри цветоложа.

Юнь Цзяньло взмыла в воздух, волоча за собой длинные до пят черные волосы, закружилась среди цветов стремительным птеродактилем, а затем опустилась обратно, прижимая к груди охапку спелых коробочек лотоса и распространяя вокруг шлейф аромата.

Она с шумом сбросила их в кучу неподалеку, подобрала еще одну рыбину и тоже принялась за еду.

Я подняла одну коробочку лотоса, к которой всё ещё липестки розового цвета. Разломила её пополам, выковырнула темно-зеленые семечки, очистила от кожуры и бросила в рот, принявшись жевать...

ТЬфу! Как же горько! Забыла вытащить сердцевину!

Сморщившись, я не знала, то ли выплюнуть, то ли проглотить.

— Ха-ха...

Услышав смех, я подняла глаза: сидевшая напротив Юнь Цзяньло откровенно надо мной потешалась. Сделав кислый вид, я швырнула коробочку на землю, вцепилась зубами в жареную рыбу и принялась прожёвывать мясо вместе с горьким лотосом, чтобы заглушить вкус. Оплотность, это всего лишь глупая оплотность! Чего тут смеяться, думает, раз красивая, так можно ухмыляться над кем попало?

Юнь Цзяньло доела свою рыбу, подобрала отброшенную мной коробочку лотоса и ловкими движениями вылутила целую горсть уже очищенных от сердцевинки семян, а затем с улыбкой протянула их мне:

— Эх ты, растеряха. Они же никуда не денутся, куда ты вечно спешишь?

Бросив на неё косой взгляд, я приняла семена, закинула в рот и пробормотала:

— Сердцевина лотоса помогает очистить сердце от жара, для здоровья полезно. Я специально её не стала убирать.

Она снова улыбнулась так лучезарно, словно на ее лице распустился цветок. От этого мне стало казаться, будто из меня сделали посмешище, и мне оставалось лишь яростно пережёвывать семена во рту...

Свежие семена лотоса были сладкими, но не приторными, с освежающим вкусом... однако в

сочетании с пряной и острой жареной рыбой меня едва не прошиб холодный пот. Во рту творилось черт знает что: сладость, кислинка, острота, солёность — разобрать вкус было уже невозможно.

С большим трудом проглотив эту гремучую смесь, я в два счета расправилась с остатками рыбы и переключила всё внимание на чистые, беленькие семена лотоса.

— Без духовной силы и правда невыносимо трудно, сделай одолжение, верни бедному Персиковому саду прежний вид, — бормоча с набитым ртом, я принялась забрасывать её пустые коробочки из-под лотоса. Только что я погорячилась, с готовой едой всё-таки куда проще.

— Ну ты и нахалка, привязалась ко мне и думаешь, что я во всём уступю? Прямо скажем, только Тяньян способен выносить твои сорок восемь выходов с прямой симпатией и вечными компромиссами.

— И в мыслях не было, неужели ты и правда согласишься? Хитрюга, — беззлобно сдергивая с себя насорившие коробочки, с улыбкой спросила Юнь Цзяньло. Однако руки её не прекращали работу: не прошло и минуты, как вокруг неё на земле выросла целая гора пустых оболочек.

Я подняла голову и несколько секунд пристально смотрела на неё. Сначала плотно сжала губы, сдерживая улыбку, а затем расплылась в широкой ухмылке:

— Именно так и думаю, ты же без памяти в меня влюблена! Не думай, что умеешь улыбаться только ты, я тоже могу очень даже лучезарно.

— А?

Юнь Цзяньло опешила, и коробочки выпали у неё из рук. Я торопливо подхватила их и с еще более сияющей улыбкой произнесла:

— Я же прекрасно знаю, что я тебе нравлюсь, иначе с чего бы тебе так злиться? Взгляни на тот увядший сад — это же лучшее доказательство! Если бы ты не испытывала ко мне чувств, разве стала бы терять контроль над духовной силой оттого, что я уделяю внимание кому-то другому? Разве была бы со мной так добра?

— Ха?

Юнь Цзяньло продолжала хлопать глазами от изумления, а я, торжествуя, подалась вперед:

— Признавайся! Любишь ты меня или нет?

Она заметно растерялась, взгляд её заметался, губы беззвучно шевелились, и лишь спустя долгое время она выдавила из себя:

— Но это вовсе не значит, что ты можешь вить из меня веревки! Между прочим, сейчас я женщина, и вообще-то это мне полагается забота и опека!

— Ой, — я отступила на пару шагов и окинула её оценивающим взглядом, после чего задумчиво протянула: — Ты женщина? С чего бы это? Что-то я не заметила.

— Да я... я... да в чем я не похожа на женщину?! — вскочила она и возмущенно закричала: — Вот эта фигура: тридцать восемь, двадцать три, тридцать восемь! Стандартные пропорции золотого сечения, эта осиная талия сделана ровно по вкусу большинства мужчин! А лицо? Описания вроде утопающей от стыда рыбы и прячущейся за облака луны тут даже близко не подойдут! А руки, что белы как мягкие побеги тростника, кожа словно баранье сало, лебединая шея, зубы подобные дынным семечкам, прекрасный лоб, черные брови, милая улыбка и сияющие глаза... Да любая красавица из Ши Цзин поблекла бы рядом со мной и побежала топиться в Смертельные Пределы! Ну-ка скажи, чем я тут не женщина?!

Оглушенная её тирадой и покрытая испариной, я скосила глаза и холодно осадил её:

— Всё, что ты перечислила, действительно описывает женщин, и не сказать чтобы сильно преувеличено. Но всё же — женщина ли ты сама?

Что значит «сделана ровно по вкусу большинства мужчин»? Она же сама только что прямым текстом проговорила, что это вовсе не её истинное тело.

— Я, конечно...

Голос оборвался. До неё наконец дошло. Широко распахнув глаза, она моргнула раз, моргнула два... а я одарила её своей самой очаровательной улыбкой... Ха-ха, ха-ха-ха, так тебе и надо, попалась!

Её лицо мгновенно вспыхнуло алым. Судорожно отряхнув одежду, она крутанулась на месте и взмыла в небо:

— У меня срочные дела, я полетела!

Я помахала ей вслед и весело крикнула:

— Заглядывай ещё! Только не забудь восстановить Персиковый сад!

Она споткнулась на лету и резко сменила курс в противоположную сторону.

Хлопая в ладоши, я с улыбкой проводила взглядом удаляющуюся к саду фигуру, а затем уселась обратно уничтожать гору семян лотоса.

Хе-хе, хе-хе-хе...

Внутренняя тупая боль растворилась в этом тихом смехе, и уголки моих губ сами собой изогнулись в улыбке. Похоже, лишь в присутствии определённого человека я позволяю себе показать свою ребячливую сторону... Наверное, это чувство и называется любовью, а ещё — доверия.

Внезапно бросив взгляд в сторону, я заметила удаляющуюся спину А-Зы, и улыбка на моих губах медленно увяла.

Когда А-Зы скрылся из виду, я разочарованно поджала губы, отключила защитный массив и принялась бродить по Синьюаню. Время от времени я дразнила еще не принявших человеческий облик цветочных духов и мелких зверьков-монстров, иногда пыталась медитировать, но в отсутствие духовной силы практика превратилась в нечто бесполезное — ни пользы извлечь, ни бросить жалко. Юнь Цзяньло по-прежнему появлялась здесь, однако каждый раз норовила удрать со всех ног.

Мда... Кажется, характер у меня и правда испортился. Впрочем, вредничаю я исключительно с некоторыми личностями. Потирая подбородок, мысленно согласилась я с этим выводом.

Так, без особой спешки, пролетело еще несколько дней. Подсчитав, что пир укротителей зверей должен начаться со дня на день, а Юнь Цзяньло так и не принесла противоядие, я решила вооружиться гуцинем и начать тренировки. Раз уж духовной силы нет, защищать свою жизнь придется с помощью звуковых атак в сочетании с ядом.

Мелодия гуциня по своей природе спокойная, безмятежная, умиротворенная... она больше подходит для музицирования в тишине глухой ночи, а для боевых применений кажется слишком тонкой и хрупкой. Однако в умелых руках, приправленная бесцветным и безвкусным ядом, она превращается в смертоносное оружие.

Согласованность, безмятежность, чистота, протяжность, древность, умиротворение, мягкость, отрешенность, изящество, красота, звонкость, живость, безупречность, гладкость, округлость, твердость, звучность, утонченность, плавность, бодрость, легкость, тяжесть, замедление, ускорение.

Двадцать четыре метода игры на гуцине — каждый из них представляет собой особый способ контроля. С их помощью можно как исцелить человека, так и убить его, а еще сделать так, чтобы жизнь показалась хуже смерти.

В тот день я как раз упражнялась в павильоне посреди озера с техникой тяжелого звука, а Юнь Цзяньло стояла рядом и давала подсказки. Я дорабатывала приемы с учетом ее замечаний,

стремясь достичь совершенства, чтобы убивать врагов без единой капли крови.

Сяо-Лянь бесшумно прошла по водной глади и с мрачным видом застыла в стороне. Я остановила движение рук и с недоверием посмотрела на неё. Сяо Лянь перевела взгляд на Юнь Цзяньло, а затем нерешительно произнесла:

— Молодой господин, я изначально хотела попросить вас навестить маленького господина... — договорив лишь до половины, она замолчала.

Я помассировала переносицу и бесстрастно спросила:

— Что с ним?

К А-Цзы я не испытывала ненависти, скорее легкое раздражение — мне хотелось, чтобы он немного помучился, но если бы с ним действительно что-то случилось, сокрушаться, пожалуй, стала бы я сама. Мой по-детски наивный младший братец...

— Маленький господин заперся в комнате и отказывается выходить... уже несколько дней... На теле раны, а лекарствами он не пользуется, — боязливо проговорила Сяо Лянь.

Я угукнула, показывая, что поняла.

— Сила удара сама по себе не гарантирует мощного эффекта, тебе следовало чуть приподнять кончики пальцев, так было бы лучше... — раздался за спиной голос Юнь Цзяньло.

Я отвела взгляд и вновь сосредоточилась на цитре. Сяо Лянь с унылым видом отступила и удалилась, скользя по воде.

В оставшееся время я ошибалась всё чаще, не попадая даже в самые простые ноты. Если бы не Юнь Цзяньло, которая то и дело подчищала огрехи за мной, мёртвую рыбу в озере пришлось бы считать на тонны.

Хрусь!

Очередная фальшивая нота. Юнь Цзяньло взмахнула рукавом, и вокруг нас поднялся прозрачный барьер, по которому звуковые атаки пошли рябью. Я потёрла кончики пальцев, собираясь продолжить игру.

— Ву-у.

Мелодия оборвалась на тяжёлой ноте. Я увидела изящную, словно из белого нефрита, руку,

прижавшую струны, и проследила за ней взглядом вверх. Юнь Цзяньло смотрела на меня с бесконечным сожалением, но всё же улыбнулась:

— Сходи наведи его. Всё равно твои мысли сейчас далеко, толку от такой тренировки не будет...

— Ничего подобного... — попыталась возразить я, но под её недоверчивым взглядом голос мой стих и окончательно сошёл на нет.

— Иди.

Она легко толкнула меня в плечо и отвернулась к бескрайней глади озера, и на её лице запечатлелось странное, щемящее одиночество. Глядя на неё, я помимо воли выронила:

— Мои чувства к А-Цзы — вовсе не любовь. Просто когда-то у меня был младший брат, он улыбался точь-в-точь как А-Цзы, вот я и...

— К чему ты мне всё это объясняешь? Хочешь идти — иди, — холодно перебила она, лишив меня дар речи.

Мне хотелось навестить А-Цзы, но в то же время не хотелось уходить... По её выражению лица казалось, будто она ждёт моего окончательного решения — так, словно стоило мне уйти, как она исчезнет навсегда.

Водная гладь, раскинувшаяся до самого горизонга, была усыпана островками нежно-розовых лотосов. Над ней кружили чайки и цапли, и время от времени их звонкие крики прорезали ясное небо, постепенно затираясь вдали.

Её одежды развевались на ветру, вид был печальным и отрешённым. Казалось, хотя она всё ещё здесь, в следующее мгновение её след простынет.

Рука сама собой ухватила её за рукав, и я услышала собственный голос:

— Ты уйдёшь?

В груди неприятно защемило: неужели этот беспомощный голос принадлежал мне?

— Дурочка, мне всё равно некуда идти, куда я денусь? — с мягким вздохом она коснулась моих волос и потрепала их.

— Тогда... пойдём вместе. Просто посмотрим, как его раны, — с робкой надеждой я подняла

голову.

Если приглядеться под этим углом, её манера держаться ничем не отличалась от манеры Тянь Яна. Наверное, она и сама не подозревала, сколько прорех допустила.

— Хм, ступай уже, — она легко шлёпнула меня по макушке, голос её похолодел, а лицо окаменело.

Я поткнулась лбом о её ладонь, вскочила на ноги и бросилась к берегу озера, на ходу оглядываясь и громко крича:

— Я скоро вернусь, жди меня!

Ах Тянь Ян, ну до чего же ты бестолковый! Если бы я не знала, что это ты, стала бы я вести себя так близко с кем попало? Тем более с женщиной! Видал ли кто-нибудь, чтобы взрослый мужчина вот так капризничал с девицей? Похоже, придётся вернуть тебе твой прежний облик, а то со стороны это выглядит больно странно.

Удаляясь, я вроде бы снова услышала позади тихий вздох. Прищурившись, я мысленно выругалась: глупый Тянь Ян, ты ведь всё равно тайком увязался следом, неужели сам не понял, что произошло в ту ночь?! От постоянных вздохов и кручины быстро состаришься, а мне старик ни к чему.

Остановившись перед дверью, я прислушалась — в комнате царила абсолютная тишина. Одолеваемая смутными сомнениями, я спросила стоявшую рядом Сяо Лянь:

— А-Цзы действительно внутри?

Сяо Лянь нахмурилась и кивнула:

— Внутри. Раньше хоть всхлипывания были слышны, а сейчас... может, он потерял сознание?

Глядя на выражение тревоги на лице, столь похожем на лицо моей сестры, я не удержалась, похлопала её по плечу и успокоила:

— Не переживай, я сейчас же войду и посмотрю.

Лицо Сяо Лянь мгновенно окаменело — похоже, ей не нравилось, когда я приближалась. Потерев подбородок, я перевела взгляд на запечатанную защитным барьером дверь... Хм, способности А-Цзы к обучению оказались весьма высоки, выставленная им печать обладала уже неплохой силой, неудивительно, что Сяо Лянь не могла войти.

Протянув руку, я перехватила Сяо Лянь за запястье, а ладонью упёрлась в створку двери:

— Поделись со мной духовной силой. Не обращая внимания на выражение лица Сяо Лянь, я спустя мгновение почувствовал, как из ладони в меня проникает духовная сила. Направив эту не совсем чистую духовную силу быстро течь из левой ладони в правую, я ударил в нужной точке по барьеру...

Бум!

Раздался тихий звук, и прозрачный барьер, поплыв рябью, рассеялся. Я отпустил руку Сяо Лянь, вложил ей в ладонь пилюлю для восполнения духовной силы и толкнул дверь.

Переступив порог, я остановился и, обернувшись, сказал:

— Проглотишь её во время следующей медитации, это пойдет на пользу телу. Мне хватит войти и одному, ты пока подготовь кое-что для А-Цзы, он, полагаю, скоро захочет искупаться.

Сяо Лянь слегка засомневалась, убрала пилюлю, кивнула и удалилась.

Я тихо вздохнул: всё-таки она была членом семьи А-Цзы, и из-за случившегося несколько дней назад моё отношение для неё снова скатилось к той враждебности, с которой я столкнулся здесь в самом начале. Видеть на лице человека, столь похожего на старшую сестру, такое холодное выражение — на душе и впрямь было неприятно.

Покачав головой, я вошёл в комнату. Внутри царил полумрак, сквозь щели в окнах падали столбы солнечного света, в которых кружилась взвесь пыли, а воздух был просто отвратительным. Я взмахом руки распахнул окна, чтобы освежить застоявшийся воздух.

Миновав круглый стол, я приблизился к большой кровати, под марлевым пологом которой угадывался крупный бугорок.

Приподняв полог, я нахмурился. А-Цзы, этот неугомонный мальчишка, всё ещё был в окровавленной одежде, сжавшись в комок и прижимая к груди какой-то ларец, а его расфокусированный взгляд устремился в пустоту.

Я мысленно выругался: и впрямь, должно быть, в прошлой жизни я задолжал тебе!

Подвязав полог по бокам, я взял со стола чайник, открыл крышку, но тот оказался пустым. Воспользовавшись тем, что одолженная у Сяо Лянь духовная сила ещё не иссякла до конца, я применил заклинание управления водой, чтобы наполнить чайник, заодно смочил шёлковый платок и снова вернулся к постели.

Я стёр кровь с уголков губ А-Цзы и обтёр его лицо влажным платком. Мальчик медленно пришёл в себя, его взгляд начал обретать фокус, а глаза резко расширились... он моргнул, моргнул ещё раз, и из глаз тут же полились слёзы. Его дрожащие пальцы попытались потянуться ко мне, но испуганно спрятались обратно.

Мягко вздохнув и заметив, как его тело снова напряглось, я поспешно произнёс:

— Сидишь в душной комнате в такой солнцепек и не стыдишься? Ну-ка вставай!

Он молчал, а слёзы продолжали катиться по щекам. Моё сердце вмиг смягчилось — ну до чего же, до чего же невозможно сердиться на этого вредного ребёнка!

Погладив его по голове, я ласково сказал:

— Ну всё, тихо, не плачь, а то твоё славное личико станет похоже на мордашку чумазого котёнка.

Достав хрустальный флакон, я вытряхнул из него пилюлю, поднёс к его губам и уговорил:

— Раз уж поранился, надо принимать лекарство. Оно ведь не горькое, чего ты боишься?

Он ухватился ручонкой за мой рукав, наконец полностью пришёл в себя, всхлипывая, утёр с лица слёзы и сбивчиво проговорил:

— Ты... ты совсем... совсем перестал со мной обращаться... как ни зови, не отзывался... и ещё... ещё велел А-Цзы поскорее умереть...

Я засунул лекарство ему в рот и, заметив, что он пару раз кашлянул, но всё же проглотил пилюлю, удивлённо спросил:

— Когда это я велел тебе поскорее умереть...

— Ты... тебе приснился такой страшный сон, и ты позволял другим обижать А-Цзы... говорил... говорил, что А-Цзы непослушный... что меня нужно проучить...

Я беспомощно смотрел на А-Цзы, который продолжал делать мне прерывистые упрёки. Оказывается, всё это время ему и правда снился кошмар. Подняв его, я подложил за спину подушку, чтобы он мог полулежать, взъерошил его волосы и мягко промолвил:

— То был всего лишь сон, неправда. Разве я стану обижать тебя, если А-Цзы послушный? Ты ведь мой самый-самый красивый младший брат.

Движение моих рук замерло, я опустил голову и нежно добавил:

— Но впредь я запрещаю тебе вытворять подобное! Чувства бывают самыми разными, в мире существуют и родственные узы, и дружба... Влюбленность может со временем угаснуть, но семейная привязанность и дружба становятся лишь крепче и глубже с годами.

Посмотрев на молчаливого А-Цзы со сбитым с толку взглядом, я спросил:

— Ну так что, А-Цзы, хочешь быть моим младшим братом?

А-Цзы моргнул и непонимающе произнёс:

— Матушка говорила, что любовь — это самое прекрасное чувство на свете, в ней есть и кислинка, и сладость, и горечь, и острота, она способна заставить человека вырасти в один миг, я тоже хочу...

— Почему А-Цзы так хочет вырасти? — с болью в сердце спросил я, глядя на него.

Он широко распахнул глаза и ответил так, будто это само собой разумеющееся:

— Когда вырасту, меня больше никто не посмеет обидеть! Матушка говорила, что А-Цзы должен поскорее вырасти, чтобы защищать младшего брата.

Я кивнул и, поглаживая его по волосам, чтобы они лежали аккуратно, с лёгкой улыбкой произнёс:

— А-Цзы уже вырос. Разве я не дал тебе противоядие? Съешь его, и люди из секты Повелителей Зверей больше не смогут тебя обижать...

Он надул губы:

— А когда я вырасту, ты будешь относиться ко мне так же, как раньше? Не будешь бить меня, как в прошлый раз, от этого А-Цзы было очень больно...

Я легко постучал его по лбу и с шутливым упрёком произнёс:

— В прошлый раз ты сам поступил неправильно. Если ещё раз посмеешь сделать что-то подобное, я и впрямь перестану с тобой разговаривать.

Его взгляд помрачнел, и лишь долгое время спустя он тихонько выдавил «угу», прижавшись к моей груди и ещё крепче обхватив ларец в руках.

<http://bllate.org/book/22448/2359537>